

Действующие лица и события романа вымышлены, и сходство их с реальными лицами и событиями абсолютно случайно.

Автор

В саду частного детектива Мирославы Волгиной цвела черёмуха. И аромат её пропитывал всё вокруг.

Две черёмухи — одна с красными ягодами, другая с чёрными росли, как говорил друг детства Мирославы Шура, ныне следователь Александр Наполеонов, прямо под окнами «господского» дома. И получал за это довольно ощутимый шлепок от хозяйки этого дома. Шура обиженно почёсывал ушибленное место, но, вскоре забыв о шлепке, снова начинал острить.

Сквозь сон Мирослава расслышала какой-то тихий, совершенно не опасный звук. После его повторения, ещё не проснувшись, она сообразила, что кто-то кидает камешки в её окно.

Уже открыв глаза, она услышала этот же звук в третий раз. Подойдя к окну, Мирослава распахнула его и выглянула наружу. Внизу, освещённый луной, во всём белом стоял Морис Миндаугас.

— Тебе чего? — спросила она сердито.

— Спуститесь, пожалуйста, — попросил он.

— Зачем?!

— Пожалуйста, — повторил он тихо.

— Хорошо, — ответила она голосом, не предвещавшим ничего хорошего, но всё-таки спустилась, вышла на крыльцо и сразу села. Морис подошёл и встал рядом.

— Чего тебе? — спросила она.

— Я хотел вас видеть, — проговорил он нежно.

— Ты не мог, как все нормальные люди, позвонить по сотовому?

Он улыбнулся.

— Зачем камни кидать в окошко?

— Камешки, — поправил он.

— Всё равно!

— Вставайте.

— Это ещё зачем?

— Мы с вами сейчас пойдём в сад слушать соловья.

— Его и здесь прекрасно слышно, — сладко потянулась она.

— Это не то, — тихо ответил Морис. — Мы с вами на цыпочках подкрадёмся к дереву, на котором он сидит, и тихонько будем стоять рядом и слушать.

Мирослава уже хотела было спросить его, всё ли в порядке у него с головой и не хлебнул ли он чего-нибудь горячительного накануне, но передумала. Встала с крыльца, взяла его за ру-

ку и потянула в зелёную глубину благоухающего сада.

Они и в самом деле совсем близко подкрались к поющему соловью, прислонились с двух сторон к шершавому стволу старой груши и замерли.

Соловей тоже на какое-то мгновение притих, а потом неожиданно громко защёлкал и зацокал на все лады.

Морис что-то прошептал по-литовски. Мирослава догадалась, что у него вырвалось «Мой бог!».

«Какой впечатлительный, однако», — подумала она и тоже заслушалась трелями маленького певца. Но потом стряхнула с себя невольные чары и пошла в сторону дорожки.

— Вы куда? — тихо окликнул он её.

— Досматривать свои сны.

— А как же соловей? — В его голосе прозвучала тихая грусть.

Но она ничего не ответила, и он, вздохнув, пошёл следом за ней.

Мирослава поднялась в свою комнату, скользнула в постель и уткнулась лицом в пушистый бок Дона.

— Ты чего не пошёл соловья слушать? — спросила она кота. И тот что-то пробормотал во сне, не открывая глаз. — И правильно сделал, — согласилась она, — соловья и здесь отлично слышно.

Засыпая, она вспомнила другую ночь...

Она была тогда совсем юной, старшим лейтенантом, только-только закончившей юридический институт. И ей хотелось всего и сразу. В смысле работы, погонь, задержаний. И её начальник, который когда-то работал под началом её деда, отправил Мирославу на задержание опасной банды, наказав другим полицейским не спускать с неё глаз. Таким образом он надеялся поубавить её энтузиазм и отбить охоту лезть вперёд батьки в пекло.

Они полночи пролежали на сырой от холодной росы траве, стараясь не шевелиться и дышать как можно тише. Банду они задержали всю. Двое бандитов, которые оказали яростное сопротивление, были застрелены. А они потом сидели в машине и пили из фляжки обжигающий напиток, делая по очереди по паре глотков. Она глотнула наравне со всеми, и по всему её телу сразу же растекалось приятное тепло. И вот тогда её сердце забилось и затрепетало, она искренне любила всех этих парней.

— Согрелась, сестрёнка? — спросил один из них. И она только кивнула в ответ.

Эта первая её операция не отбила у неё желания встречаться с опасностью лицом к лицу, если этого требовало дело, и помогла ей осознать своё предназначение и довольно быстро заматереть.

И теперь время от времени встречаясь с теми, кто был тогда рядом с ней, Мирослава чувствовала, как в груди её по-особому трепещет сердце и растекается всеобъемлющее тепло.

Пение соловья проникало в её крепкий сон откуда-то издалека.

Морис в это время сидел в своей комнате на подоконнике и смотрел в сад задумчивым взглядом. А соловей всё продолжал рассыпать свои волшебные звуки, может быть, надеясь, когда-нибудь соединить два столь не похожих друг на друга сердца.

Глава 1

Шесть лет назад. Жили-были в столице одной из губерний две подруги, Елена Игоревна Гулькова и Светлана Ивановна Бакунина.

Девушки дружили несколько лет, познакомившись на горном курорте в Альпах. Одну из них, Лену, туда привёз отец, а другая, Светлана, приехала в сопровождении деда, выиграв путёвку на двоих в конкурсе по географии.

Гулькова так и не смогла понять, зачем Света притащила с собой деда, которому в ту пору было за восемьдесят. И как он сам не побоялся ехать в такую даль. По тогдашним представлениям Лены, в возрасте Светиноного деда старику нужно было сидеть на печке или пить чай из самовара.

Но дед Савелий Васильевич Бакунин быстро показал, кто на что способен, и утёр нос не только двум подружкам, но и отцу Лены, которого она всегда считала супергероем.

По вечерам они ходили в горы не кататься, а просто так, полюбоваться красотой Альп. Саве-

лий Васильевич с упоением рассказывал девушкам о походе Суворова через Альпы. Глаза его при этом сияли ярче звёзд, и казалось, что они чисто случайно оказались на лице пожилого человека, по неведомой причине покинув своего молодого хозяина.

А вообще Бакунин был патриотом и говорил, что ездить нужно в собственные горы, то есть на Кавказ. Обе девушки шутили и говорили, что в свои горы они поехать всегда успеют.

Завязавшуюся в Альпах привязанность девушки не расплескали по дороге и благополучно привезли домой.

На следующий год Лена Гулькова окончила школу с золотой медалью и легко поступила в местный университет. Отец был против того, чтобы дочь покидала родной город. Да она и сама не стремилась уезжать. Тем более что у них с отцом никого больше не было. Мать Лены умерла много лет назад. Отец позже пробовал дважды жениться, но оба брака оказались неудачными и вместо счастья принесли ему одни сплошные огорчения.

Лена не мешала отцу жениться и, стиснув зубы, терпела сначала одну, потом другую мачеху. Когда же отец расстался с обеими и объявил дочери, что больше жениться не будет, она еле смогла удержаться от того, чтобы не завопить от радости и не броситься отцу на шею. Но она удержалась и сказала: «Делай, папа, как тебе лучше».

На второй год своей учёбы Лена стала сначала подрабатывать, а позднее, перейдя на заочное отделение, и работать на фирме своего отца.

Светлана Бакунина никогда не скрывала, что учёба — это не её хобби, и была рада-радёшенька вылететь за школьные двери. Она сразу же поступила на курсы парикмахеров. После их завершения устроилась работать в простенькую частную парикмахерскую, а в свободное время совершенствовала своё мастерство и осваивала смежные профессии. Это помогло ей устроиться на работу в известный в городе салон. Про неё говорили — молодая, да ранняя.

Из-за занятости подруги больше перезванивались, чем встречались. Но всё же встречи хоть и редкие, но были, девчонки сидели в кафе и пировали, как они сами выражались. И делились друг с другом своими планами на будущее. Лена не сомневалась в том, что со временем возглавит фирму отца.

А Света мечтала о собственном салоне красоты, но залезать в кредиты, как она признавалась подруге, трусила. С каждой зарплаты девушка откладывала понемногу. Лена беззлобно посмеивалась над подругой, говоря, что такими темпами она как раз к обновлённой думцами пенсии и накопит на свою мечту. И подталкивала её:

— Света, не мучайся, возьми заём в надёжном банке.

— А что, есть среди них надежные? — широко раскрывала глаза Бакунина.

— Конечно, есть, — уверяла Гулькова. И добавляла: — Если бы капиталы были мои, я бы выделила тебе ссуду без процентов. Но нашим деньгам хозяин отец. И сунуться к нему с просьбой спонсировать мою подругу я никогда не решусь.

— Да не переживай ты, Лена! Я же всё понимаю и ни о чём не прошу.

— Так и будешь плыть по течению? — спрашивала Лена.

— Так и буду, — отвечала Светлана.

Понимая, что переубедить подругу она не сможет, Елена переходила на следующую тему. И ни для кого не секрет, что после карьеры у большинства девушек, несмотря на их феминистские взгляды, на втором месте стоит вопрос личной жизни.

А вот с личной жизнью у обеих подруг не ладилось. Нет, они встречались с парнями и даже время от времени вступали в продолжительные отношения, которые всякий раз заканчивались не свадьбой, а расставанием.

— Так недолго и старыми девами остаться, — притворно вздохнула Лена.

— Насчёт старых дев ты, подруга, круто загнула.

И обе рассмеялись. Но смех их был не слишком весёлым.

— Можно отыскать жениха по брачному агентству, — сказала Лена.

- Не, — возразила Светлана, — я влюбиться хочу.
- Ну и влюбляйся! Кто тебе мешает?
- Предсказуемость.
- Вот ты даёшь! Тогда можно попробовать зна-
комиться по интернету.
- Ты вроде пробовала.
- Угу, — согласилась Лена. — Но выставила кра-
савчика за дверь.
- За что? Подсвечники спёр? — пошутила не-
весело Света.
- Хуже! Залез в мой компьютер и узнал, кто
мой отец.
- Надо думать, что после этого сразу же сделал
тебе предложение руки и сердца.
- Не успел, — вздохнула Лена и призналась: —
Я, как только поняла, что он прикасался к моему
компьютеру, сразу же спустила его с лестницы.
- А раньше, лазая по соцсетям, он не выудил
информацию про тебя.
- Ты же знаешь, что я человек занятой, по се-
тям не сижу.
- И он не интересовался, где ты работаешь?
- Я сказала, что переводчицей с английского
языка.
- И он поверил?
- Я думала, что да. Но судя по тому, что он ре-
шился заглянуть в мой компьютер, у него возникли
определённые сомнения.
- Тяжела жизнь обеспеченных барышень, —
пошутила Света.

— И не говори, — с притворной сокрушённо-стью согласилась Лена.

— А мне вот скрывать нечего, смотри сколько хочешь. И судя по всему, мои скромные заработки не привлекают ни одного принца.

Они погрузили ещё немного над коктейлями из манго и поехали кататься на «Омике» по Волге. Доехав до Загородного парка, подруги сошли с речного трамвайчика и отправились в дубовую рощу, а потом на чёртово колесо, с верхней точки которого было видно не только этот берег Волги, но и противоположный.

— А теперь скажи мне, — проговорила Света Бакунина, проследив взглядом за солнцем, начавшим свой медленный спуск к закату, — обратно вернёмся на «Омике» или на такси?

— На такси быстрее, — ответила Лена.

— А на трамвайчике романтичнее, — возразила ей подруга. — Зачем нам сегодняшним вечером быстрота.

И они поплыли к кафе на «Омике». Вернуться сюда им нужно было обязательно, так как на маленькой стоянке возле кафе осталась «Тайота» Гульковой и старая «девятка» Бакуниной. Легендарная машина, воспетая в песне Ларисы Рубальской «Угнала я тебя», давно уже перестала быть престижной, и угнать на ней прекрасного принца было невозможно. Денег на новый автомобиль у Бакуниной не было, но, к счастью, Света была независтливым человеком. Она с восторгом смотрела на

автомобиль своей подруги, но ни зависти, ни злости не было места в ее сердце.

Прошло ещё шесть лет. И совершенно неожиданно в середине дня на мобильник Бакуниной поступил звонок от Гульковой.

В кресле, которое обслуживала Светлана, сидела важная требовательная клиентка, которая в случае чего могла закатить грандиозный скандал, поэтому девушка схватила мобильник и, сбросив звонок, послала подруге эсэмэску: «Ответить сейчас не могу! Созвонимся позже». Машинально Бакунина отключила свой телефон и вернулась к клиентке, которая уже начала бросать на неё негодующие взгляды.

В этот день работы у Светланы Бакуниной было так много, что она даже пропустила собственный обеденный перерыв. Разумом Света понимала, что хозяйка бессовестно наживает на ней, чрезмерно загружая работой. Но протестовать не смела, так как, во-первых, ей нужны были деньги, а во-вторых, не просто хороший имидж, а отличный. И поэтому она безропотно гнула спину в чужом салоне, надеясь в будущем иметь свой собственный. Мысленно она дала себе обет, что никогда не станет ездить на своих сотрудниках и оплачивать их труд будет по справедливости.

Короче, так получилось, что о пропущенном звонке подруги Света вспомнила только поздно вечером. Кляня себя на чём свет стоит за забывчивость, она бросилась звонить Елене. Но подруга

так долго не отзывалась, что Света решила, что Лена обиделась на неё за чёрствость и разговаривать с ней не желает из принципа.

— Что же делать? — спросила она сама себя вслух и, закусив нижнюю губу чуть ли не до крови, стала раздумывать над сложившейся ситуацией. Ехать к подруге прямо сейчас Светлане не хотелось, было уже поздно, да и ноги от усталости буквально подкашивались. «Напишу ей ещё одну эсэмэску, извинюсь и разъясню ситуацию, — решила Светлана. — Если не ответит, то завтра после работы поеду к Ленке просить прощения и мириться».

У подруг, как и у всех девушек, время от времени случались небольшие размолвки, но до крупных ссор никогда не доходило. Да и мирились они быстро, не помня о мелочных обидах. Так что Света была уверена, что и на этот раз всё будет точно так же. Она прибралась на своём рабочем месте и, поняв, что уходит из салона последней, заспешила к выходу, сдала ключ на ресепшене и выскользнула на улицу.

Свой старенький автомобиль девушка оставила на стоянке возле салона. Казалось, что он узнал её не сразу, как старая верная собака, лишившись слуха и зрения, не сразу узнаёт своего хозяина. Но едва Светлана вставила ключ в зажигание, как машина крикнула, чихнула и завелась.

Она как раз выруливала со стоянки, когда зазвенел её мобильник. «Кто это может быть», — удиви-

лась Светлана, надеясь про себя, что звонит Лена. Так оно и оказалось.

— Ленка! — воскликнула Светлана. — Прости меня ради бога, я так замоталась, что...

И вдруг она услышала, что подруга плачет.

— Лена, ты чего? — оторопела Светлана. Она не могла поверить своим ушам, её подруга, ни разу не замеченная на сверхчувствительности, рыдает из-за неотвеченного звонка. — Лена, я не нарочно, — проговорила она в трубку. — Если хочешь, то я сейчас же к тебе приеду!

В глубине души Светлана надеялась, что подруга откажется от её опрометчивого предложения. Но Лена тихо проговорила:

— Приезжай. Мне очень плохо.

— Сейчас, сейчас, — пробормотала Света.

К этому времени до неё уже стало доходить, что плачет подруга вовсе не из-за звонка к ней. Но отчего? Сердце девушки сжалось от нехорошего предчувствия. У Лены случилось что-то страшное и непоправимое. Бакунина нажала на газ и помчалась по вечерним улицам с явным превышением скорости, машинально она подумала о том, что на неё посыплется целый дождь из квитанций на штрафы. «Ну и пусть, — решила она, — Ленке плохо».

— Лена, я скоро приеду, — прошептала она пересохшими губами. Телефон был давно безмолвен, но Света была уверена, что подруга слышит её сердцем.

Как нарочно, Елена Гулькина жила довольно далеко от места работы Светланы Бакуниной. Хорошо ещё, что в этот вечер не было пробок, иначе пришлось бы бежать к метро, а потом ещё два с половиной квартала идти пешком.

Но вот впереди нарисовалась знакомая до боли группа каштанов, обогнув её по дуге, автомобиль сразу же попадал на улицу, на которой жили Гулькины. Лена так и не вырвалась из родного гнезда и продолжала жить вместе с отцом. С Гульковыми жила их старая домработница Евдокия Семёновна Сорина, или просто тётя Дуня.

Глава 2

— Что случилось, тётя Дуня? — бросилась ей навстречу Бакунина.

— Ох, Светочка, — заплакала старая женщина, но ответить на вопрос Светланы она не успела.

Из глубины квартиры вышла Елена Гулькина. Увидев её, Бакунина буквально окаменела. На подруге было чёрное платье, светлые волосы прикрывала чёрная же кисейная косынка.

— Ленка! — в голос закричала Бакунина и бросилась на шею подруги.

Светлана уже обо всём догадалась. И полминуты спустя Лена подтвердила её догадку:

— Папа умер.

— Когда?

— Сегодня утром прямо в своём рабочем кабинете. У папы остановилось сердце.

Света знала, что у Игоря Юрьевича Бакунина в последнее время стало барахлить сердце. Но у кого оно теперь не барахлит, при нашей-то современной жизни. Однако она даже и думать не могла, что отца Лены не станет в одночасье.

— А «Скорая»? — еле слышно спросила она.

— «Скорая» ничем не смогла помочь, когда они приехали, папа уже не дышал.

— Ленка, Ленка! Бедные мы с тобой, несчастные! — Бакунина снова обняла подругу и заплакала вместе с ней.

Через некоторое время домработница Евдокия Семёновна Сорина увела обеих девушек на кухню, усадила за стол и заставила выпить по чашке чая.

— Что же теперь делать? — всхлипнула Света.

— Всё, что надо, уже делается, — сурово ответила Сорина, — а ты просто будь рядом с Леной.

— Да, конечно, — поспешно закивала головой Бакунина.

На следующее утро она позвонила хозяйке салона и предупредила её, что выйти на работу ни сегодня, ни завтра не сможет. И, не давая женщине открыть рот и начать орать, быстро объяснила, в чём дело.

Бакунина слышала, как хозяйка клацнула зубами, точно голодный волк, но согласилась войти в положение Светланы и скрепя сердце отпустила её на два дня.

Эти два дня прошли для обеих девушек на грани страшной действительности и нежелания принять её, смириться с ней. И в этой долине скорби ангелом-утешителем хлопотала над ними тётя Дуня.

Девушки, поглощённые своей болью, не замечали, что сама Сорина почернела, спала с лица и держится из последних сил.

Так уж устроены люди, что, страдая, они не замечают чужих страданий. На подсознательном уровне им хочется, чтобы окружающие разделяли их боль и скорбели вместе с ними. Это только когда мы счастливы, то желаем видеть счастливыми всех вокруг нас.

Через два дня Светлане пришлось выйти на работу. Но ночевать она ездила каждую ночь к Лене. Света видела, какими благодарными глазами, полными слёз, смотрит на неё подруга.

Вскоре выйти на работу пришлось и Елене. Фирма, лишившаяся руководителя, начала давать сбои, хотя пока и держалась на плаву, но если всерьёз не заняться её делами, она потонет. И Елена Гулькова полностью отдалась работе. Работа помогала девушке и утешиться, и забыться. Через полгода она уже могла отпустить Свету, и та наконец вернулась в свою квартиру. Несмотря на то что в жилище Лены было больше комфорта и удобств, да и кормила их тётя Дуня вкусно и сытно, дома всё-таки было лучше.

Спустя год обе подружки уже полностью пришли в себя и теперь ездили к месту упокоения Иго-

ря Юрьевича не каждое воскресенье, как в первое время, а всё реже и реже. Жизнь брала своё. Обе девушки были молодыми, красивыми, полными сил и энергии. Им хотелось успеха, новых впечатлений и почти как всем девушкам на свете любви. Это последнее было, пожалуй, самым труднодостижимым в жизни сокровищем. И впрямь, если поднапрячься, то молодой, способной, трудолюбивой девушке не так уж сложно заработать миллион, потом второй и так далее. Особенно если есть начальный капитал. Но вот получить от жизни в дар настоящую любовь было на грани фантастики. Если, конечно, говорить не об ударяющей в голову, как шампанское, на некоторое время влюблённости и тем более не о мимолётных связях, а о глубоком, полноводном чувстве, выпадающем на долю некоторых счастливиц и сопровождающих их всю жизнь. Но такое чувство не возникало пока на горизонте ни у одной из подруг.

Между тем Елена, которой повезло родиться в семье бизнесмена и начавшей работать в собственной фирме ещё со времён школьных каникул, пришло в голову, что она могла бы помочь своей подруге осуществить заветную мечту. То есть дать деньги на открытие собственного салона. Не в смысле подарить, а именно дать на время в долг, но без процентов и без всяких условий. Лена знала, что в виде подарка самолюбивая, как почти все люди, выросшие в бедных, но трудолюбивых семьях, Света денег от неё не возьмёт. Наверное,

права тётя Дуня, которая говорит, что нет на свете гордости непоколебимей и ранимей, чем пролетарская гордость.

К тому же во времена Союза Бакунины не были бедными. Все они работали на заводе высококлассными рабочими и инженерами, обеспечивая высокий уровень жизни своим семьям. И откладывали трудовую копейку на будущее. Однако пришёл капитализм, раскрыл свою ненасытную волчью пасть и проглотил народные деньги, заработанные многолетним трудом, не подавился.

Ленин отец сумел вырулить в беспокойные девяностые годы прошлого века, организовал свой бизнес и удержал его. Правда, как потом выяснилось, ценой собственного здоровья.

Светин же отец в сердцах проклял всех демократов и либералов, пожелав буржуинам скорейшего краха, и ушёл в глухую оборону. После того как рухнул орденосный завод, десятилетиями выпускавший подшипники, он ушёл работать в котельную.

Мать Светы, почти всю жизнь проработавшая на этом же заводе оператором, нашла себе место в маленькой прачечной, спрятавшейся от мира благополучных в полутёмном подвале.

Лене импонировало то, что Света никогда не жаловалась на жизнь, Гулькина не помнила, чтобы подруга ей хоть раз в чём-то позавидовала, наоборот, она всегда радовалась обновкам Лены, даже таким большим, как автомобиль.

Лена бы с удовольствием поделилась с подругой своими вещами, которые в большом количестве скапливались в её гардеробе и мешали ей. Выкинуть было жалко, вот и приходилось пристраивать в хорошие руки шмотки из бутиков. Но только не в Светины руки. Об этом Лена даже не заикалась. Правда, на праздники она старалась дарить ей что-то нужное и недешёвое, например, шубу на Новый год, модные туфли на Восьмое марта и украшения из драгоценных камней и металлов на день рождения. Правда, и здесь нужно было не переборщить, манто или бриллиантовое кольцо за полмиллиона Света точно отвергнет. Но такие подарки, о цене которых она не догадывалась, подруга принимала. Но и сама, в свою очередь, старалась дарить Лене что-нибудь необычное, например, картину местного художника, на которой парусник казался настолько настоящим, что до него хотелось дотронуться рукой, или статуэтку киприотского мальчика, такого тоненького и изящного, что сердце замирало от восторга при взгляде на него.

Лену подарки подруги, конечно, радовали, но она представляла, сколько лишних голов пришлось Свете привести в порядок. А теперь Бакунина обучилась ещё и искусству массажа и подрабатывала в свободные вечера, возвращаясь домой глубоко за полночь.

Исходя из всего этого, Гулькова и решила помочь подруге открыть своё дело и встать на ноги.

Когда Света услышала о предложении Лены, то ушам своим не поверила. Подумав, она, на всякий случай, уточнила:

— А на сколько лет ты хочешь выдать мне кредит?

— Не кредит! — сделала Лена ударение на частице «не». — А просто в долг. Отдашь, когда сможешь.

— Поняла, — кивнула Бакунина, — долг, а под какие проценты?

— Ни под какие! — начала сердиться непонятливости Светланы Лена. — Это будет дружеский долг!

— Никогда не слышала о таком, — точно прогоня морок, помотала головой Бакунина.

— Теперь слышишь.

— Сколько ты можешь мне дать?

— Посчитай сама. Составь план развития своего салона, узнай, сколько стоит оборудование, которое тебе понадобится для его открытия. Потом ты, наверное, будешь работать не одна. Сотрудникам нужно будет платить зарплату.

— Начну я, пожалуй, с парикмахерской, — решила Света. — О салоне буду думать, когда приобрету опыт и обзаведусь постоянными клиентами.

— Делай как знаешь, — ответила ей Лена.

Посоветовавшись, подруги решили дожидаться отпуска Светы, чтобы заняться всем не спеша. Лене легче было подстроиться к свободным дням Светы, ведь она сама себе хозяйка. Отпуска ждали с нетерпением, а пока он не наступил, строили планы и вели тщательные подсчёты.

И вот свершилось! Первый свободный день наступил! Помещение для будущей парикмахерской присмотрели заранее. Сделали первый взнос. Теперь оставалось оформить аренду и полностью расплатиться. Выкупать в собственность пока не стали. Вполне возможно, что, уверившись в своих силах, Света захочет купить более просторное помещение и уже не под парикмахерскую, а под салон.

Наконец всё было закуплено и установлено. Нужно было назначить день открытия. Но перед этим она собиралась уволиться с прежней работы. Бакунина предчувствовала, что разговор с хозяйкой парикмахерской Марьяной Ивановной Кочетовой предстоит ей нелёгкий. Но то, что случилось на самом деле, превзошло всё её самые мрачные ожидания.

На хозяйку новость об увольнении лучшей сотрудницы свалилась как снег на голову. Она смотрела на заявление Бакуниной широко раскрытыми от ужаса глазами. А потом швырнула его изо всех сил на пол, как ядовитую змею.

— Что ты себе думаешь?! — закричала она на Свету. — Ты в отпуск ушла, вот догуливай его и без всяких фокусов возвращайся на работу.

— Марьяна Ивановна, вы не имеете права отказывать мне в увольнении.

— Я не имею?! — завопила хозяйка. — Да ты вообще знаешь, с кем ты связалась?!

— Теперь знаю, — тихо ответила девушка. — Раньше я думала, что вы просто алчная бессо-

вестная особа, а теперь вижу, что вы ещё и хулиганка.

— Ты ещё полицию вызови, — проворчала Марьяна Ивановна, сбавив обороты. Было видно, что порох её уже отсырел. Кочетовой было прекрасно известно, что задерживать Бакунину против её воли она не может. — Да убирайся ты к чёртовой матери! — прошипела она напоследок, подписывая поднятое с пола заявление.

Лена ждала подругу внизу, в своей машине. Она уже начинала нервничать и хотела идти на подмогу в то самое мгновение, когда Света появилась из дверей парикмахерской, в которой она проработала несколько лет.

Бакунина быстрым шагом подошла к автомобилю, Лена открыла дверцу рядом с пассажирским местом и отодвинулась снова на место водителя.

— Ты жива? — весело спросила она подругу, плюхнувшуюся рядом с ней.

— И не спрашивай, — ответила Бакунина, вытирая пот со лба, — еле вырвалась.

— Ничего, пусть сама постоит теперь возле кресла, — рассмеялась Лена.

Открытие парикмахерской, которую Лена убедила подругу назвать «Свет в окошке», произошло довольно тихо и даже, можно сказать, незаметно, хотя Лена разместила объявления в центральной прессе города. Первой клиенткой Светланы на новом месте стала Лена, и это было закономерно.

Если бы не Гулькова, то никакой парикмахерской и не было бы.

Правда, пришли ещё три клиентки Светланы, которых она несколько лет обслуживала в парикмахерской Кочетовой.

— Знаешь, Лена, — позже сказала Светлана, — если ещё кто-нибудь из моих клиентов перейдёт сюда, то Марьяна Ивановна придёт окна мне бить.

— Что за чушь! — отмахнулась от подруги Гулькова. — Это твои личные клиентки, и ты имеешь право пригласить их к себе на новое место.

— Вообще-то они не совсем личные, — неуверенно возразила Бакунина, — обслуживала я их под крышей Марьяны, поэтому она имеет право гневаться.

— Если имеет, пусть гневается, — усмехнулась Лена. — Главное, что положено начало твоего нового дела. Твоя мечта сбывается!

— Дай-то бог, Ленка! — воскликнула Светлана, кинулась к подруге и закурила её на месте.

Закрыться в этот день они решили пораньше. Круторogie серые облака не спеша толкали кудрявыми головами яркий мяч предзакатного солнца на запад.

— Хорошо-то как! — выдохнула полной грудью Елена.

— Между прочим, на сегодняшний вечер дождь обещали, — сладко потянулась Светлана.

— Ничего, мы на машине и нас не замочит, — ответила Лена.

— А мне так хочется пройтись пешком, — призналась Светлана, — я настолько переполнена впечатлениями сегодняшнего дня, что мне кажется, завязочка сейчас развяжется, и всё, что набралось замечательного, рассыплется разноцветными камешками по полу.

— И где же у тебя эта самая завязочка находится? — рассмеялась Лена.

— Где-то в районе живота!

— Почему живота? — удивилась подруга.

— Потому, что именно там бабочки щекочутся.

Обе подруги расхохотались, закрыли двери парикмахерской «Свет в окошке» и, взявшись за руки, пошли пешком к Светлане, благо её квартира находилась недалеко.

Правда, если бы они поехали к Елене, то их ждал бы полноценный домашний ужин, приготовленный заботливыми руками тёти Дуни. Но в такой день, как сегодняшний, им хотелось пирожных и шампанского!

Машину они оставили на стоянке. Обещанный синоптиками дождь так и не пошёл в этот вечер. Хотя воздух был наполнен ароматами изнывающих от ожидания цветов и настораживающим безветрием. Однако подруги ничего этого не заметили. По дороге домой они зашли в магазин и купили небольшой торт и бутылку шампанского, которую и открыли в этот вечер. Но так получилось, что пили они больше чай и говорили, говорили, не слушая друг друга, просто от потребности выгово-

риться, выплеснуть эмоции. Может быть, именно по этой причине щебечут птицы...

Целую неделю Елена, поддерживая подругу, отправлялась с ней каждое утро в парикмахерскую и помогала ей чем могла. По крайней мере, административные обязанности она с легкостью взяла на себя, предоставляя Светлане обслуживание клиентов в маленьком зале.

Иногда она думала: «Как она одна будет все делать. Всё-таки ей нужно будет хотя бы на кассу человека». Когда же она поделилась вечером своими сомнениями с подругой, Светлана отмахнулась:

— Справлюсь! Лиха беда начало.

И Лена, взглядевшись в глаза подруги, полные энтузиазма, поняла, что Светка и впрямь справится.

В пятницу Елене позвонил зам Дмитрий Иванович Васянин и сухим бесстрастным тоном поинтересовался:

— Елена Игоревна, вы не подскажете, когда сотрудники фирмы смогут лицезреть своего руководителя на работе?

Никому другому Лена не позволила бы так разговаривать с собой, но Васянин другое дело. Он более тридцати лет плыл в одной лодке с отцом и ни разу не обманул его доверия, хотя такие шансы выпадали ему не раз, и выгода от предательства маячила солидная. Но Васянин оказался преданным человеком, и Лена знала, что раз дядя Дима, именно так она называла его в детстве, не предал её от-

ца, то и с ней будет честен. А его стариковское ворчание она готова была стерпеть. Хотя Васянин и ворчал-то всегда только по делу. Вот и на этот раз он был прав. Дружба дружбой, а бросать фирму на целых десять дней не следует. Оправдание у Гулькиной было только одно — фирму свою она оставляла не на чужого человека, а на дядю Диму.

— В понедельник выйду на работу, — проговорила Елена в трубку. — Вы только не сердитесь, Дмитрий Иванович.

— У меня и прав таких, чтобы на тебя сердиться, нет, — ответил Васянин. И отключился.

По теплоте голоса, которым он это произнёс, и по тому, что он перешёл в разговоре с ней на «ты», Лена поняла, что гроза миновала, и дядя Дима больше не сердится.

Глава 3

Со следующей недели у подруг опять началось раздельное существование. Каждая занималась своим делом. И в конце рабочего дня ни у одной из них не было сил на встречи и дружеские посиделки. Всё откладывалось до выходных. А в выходные находились новые неотложные дела. Особенно у Светы, только теперь она поняла, что собственный бизнес — это не только любимое дело и прибыль, но и отсутствие возможности выкроить свободное время для отдыха.

Прошёл год, прежде чем Света смогла взять на работу в «Свет в окошке» столь необходимого ей сотрудника. Вернее, сотрудницу. Совсем молоденькую девушку, только что окончившую курсы и мечтавшую покорить мир.

— Твоя планка, как я погляжу, — рассмеялась Бакунина, — намного выше той, что устанавливала для себя я в самом начале своего пути.

— Для меня вообще планок нет, — сморщила носик девушка.

— Так что же, дерзай, я тебе крылья подрезать не собираюсь.

И девица принялась усердно трудиться, заметно облегчая труд Бакуниной. Первое, что она почувствовала после включения в работу новой сотрудницы, то, что заметно убавилось пустой беготни. Сама она могла полностью сосредоточиться на работе, которую называла творческой. Особенно ей нравилось сооружать причёски выпускницам и юным невестам из семей со средним достатком. Вот где был простор для фантазии! Света вспоминала себя в их возрасте, и ей становилось немного грустно. Девушке начинало казаться, что женское счастье обошло её стороной. Ей скоро тридцать лет, а у неё нет ни семьи, ни детей. Нет даже любимого человека.

Она вспомнила свою подругу Лену и подумала о том, что Гулькина родилась с серебряной ложкой во рту, и всё у неё всегда было. Ей не приходилось каждый день отстаивать своё место под солнцем.

А результат тот же, что и у неё, — ни детей, ни плетей, как говорила Светина мама.

У Светы был брат Максим, и девушка знала, что одно время он ходил влюбленным в Лену. Но ничего у них не получилось. Наверное, Лена решила, что Максим ей не пара. Бакунина ни с братом, ни с подругой никогда не заводила разговора об их не сложившихся отношениях. Хотя сама Света считала, что Ленке лучшего мужа, чем её братик, не найти.

Максим выучился на лётчика и летал на пассажирских самолётах. Он, как и сестра, отказался следовать примеру родителей и оплакивать прошлую жизнь на обломках великой империи. Тем более что и Света и Максим были у родителей поздними детьми, не помнили вкус настоящего советского сливочного масла и понятия не имели, каким свежим был воздух в городе, в котором почти не было машин.

Света хотела, чтобы брат женился, пусть не на Ленке, а на другой хорошей девушке. «У них бы тогда родились дети, — мечтала Светлана, — и у меня, раз нет детей, были хотя бы племянники». Но Максим не женился.

И вот однажды вечером она сидела в кофейне «Старая мельница», в минорном настроении от подобных мыслей. Многие любили это заведение за уютную атмосферу, неровный свет, скрывающий не только выражение лиц посетителей, но и сами лица. Официант зажигал на каждом столе цветную

свечу. Кому-то она казалась знаком предостережения, кому-то символом надежды на лучшее будущее. Свете эта свеча просто грела душу. И сейчас она как никогда нуждалась в этом тепле. Тем более что ко всему прочему ещё и на улице стояла отвратительная погода. Хотя чему удивляться? На улице февраль. И хоть народная пословица утверждает, что «февраль коровий бок греет», в этом году он скорее сшибал коровий рог.

Из задумчивости её вывел неожиданно прозвучавший голос:

— Здравствуйте, милая девушка.

Голос был молодым. «Сейчас клеится начнёт», — подумала Светлана и ответила, не скрывая сарказма:

— Здравствуйте, милый юноша.

Незнакомец явно приободрился, так как его голос прозвучал увереннее:

— Не позволите ли вы присесть мне за ваш столик?

— Почему именно за мой? — спросила она сердито.

— Потому что за всеми другими сидят парочки, а вы одна.

— Может быть, мне нравится одиночество? — проговорила она с вызовом.

— Я не спорю, — поторопился ответить он, — конечно, люди бывают очень разные и кому-то нравится быть одному.

— Я рада за вас! — отрезала Света.

— Рады за меня? — переспросил он растерянно.

— За то, что вы такой понятливый. Теперь вы, надеюсь, оставите меня в покое.

— Оставлю, — проговорил он самым унылым тоном, — раз вы на этом настаиваете.

— Настаиваю.

— Простите, что потревожил. Просто я очень замёрз.

— Замёрзли? — почему-то удивилась она.

— Да, как бездомная собака, и надеялся выпить чашку крепкого кофе.

— Где же вы умудрились замёрзнуть? — спросила она.

— Как где? — удивился он. — На улице.

— И что же вы там делали?

— Шёл. Мне всегда казалось, что улицы для этого и предназначены.

— Вы шли без машины? — Она подняла голову и попыталась рассмотреть его лицо.

— Без, — признался он без всяких заметных следов огорчения.

— У вас что, сломалась машина?

— Нет, она в принципе не могла сломаться.

— Это ещё почему? — Света заподозрила парня в том, что он её дурачит.

— Потому что у меня нет никакой машины.

— Вы что, безработный? — спросила она.

— Почему сразу безработный, — слегка обиделся он.

— А кто же вы тогда?

— Я педиатр.

— Кто? — округлила глаза Светлана.

— Педиатр. В прошлом году окончил медицинский университет. Теперь работаю в детской поликлинике.

— Вот это да! — вырвалось у Светланы. — А что вы делали на улице в столь поздний час?

— Девушка, — взмолился он, — я вижу, что вы решили допросить меня с пристрастием, и я готов во всём сознаться. Только позвольте присесть и заказать чашку кофе.

— Ладно, — сжалилась она, — можете присесть.

Спустя пару минут она уже смотрела, как он жадно пьёт обжигающий кофе. Выпив одну чашку, он тотчас заказал ещё одну и ватрушку с творогом.

— Вы не ответили мне, с какой целью вы мёрзли сегодня вечером на улице. Может, у вас было назначено свидание?

— Что вы, — смутился он, — разве я похож на злодея, который способен заморозить любимую девушку?

— Вроде нет, — ответила она, смягчившись, но, для того чтобы он не расслаблялся, добавила: — Хотя говорят, что практически все злодеи выглядят обаятельными людьми.

— Вам виднее, — отозвался он.

Света чуть не поперхнулась своим кофе и невольно заметила про себя, что её случайный визави что-то уж очень расхрабрился.

— С какой стати я должна быть осведомлена об этом лучше вас? — спросила она сердито.

— Вы так уверенно говорили, — замялся он, — вот я и подумал.

— Подумал он, — проворчала себе под нос Светлана. И вернулась к прежнему вопросу: — Так что же заставило вас мёрзнуть на улице, если не любовь?

— Вы не поверите, — вздохнул он, — но транспортное управление города.

— Оно-то тут ещё при чём?

— До моего дома можно добраться на троллейбусе или на трамвае. Так вот все эти рогатые труженики стоят.

— Стоят?!

— Точно. А вы разве не заметили?

— Я не обратила внимания, — на этот раз почему-то смутилась Светлана.

— Вот я и решил зайти в кофейню, чтобы согреться. Тем более что предупредили — раньше полутора часов ток не дадут.

— Вот звери! — вырвалось у Светланы.

— И не говорите, — охотно согласился он. И задал вполне естественный вопрос: — Девушка, как вас зовут?

«Начинается», — пронеслось в голове Светланы.

Он, наверное, прочёл её мысли, так как сказал:

— Если не хотите, не говорите. Просто мы с вами уже долго разговариваем и всё ещё не познакомились. Меня, кстати, зовут Эрнест Анатольевич Тимьянов. Можно просто Эрнест.

— Светлана, — невольно отозвалась она.

— В наше время девочек Светланами называют редко, — заметил он.

— А мальчиков Эрнестами сплошь и рядом, — парировала, рассмеявшись, Светлана.

— Точно! Вы любите миндальные пирожные?

— Мне больше нравятся хрустящие трубочки.

Новый знакомый Светланы подозвал официанта и заказал целых четыре трубочки.

— И вы всё это съедите? — сделала она круглые глаза.

— Нет, — рассмеялся он, — это на двоих. Мне хочется угостить вас за то, что вы приютили меня.

— Что ж, такой вид благодарности я, пожалуй, приму, — улыбнулась девушка.

— А где вы работаете? — спросил Эрнест.

— В парикмахерской.

— Здорово! В женском или в мужском зале?

— В женском.

— Жаль.

— Почему жаль? — удивилась она.

— Если бы вы были мужским мастером, — пояснил он, — то я бы ходил к вам делать стрижку.

— Вообще-то мужчин я тоже умею стричь, — зачем-то сказала она. И тут же, спохватившись, спросила: — А вы, значит, детей любите?

— Люблю, конечно, — согласился он.

— Почему конечно? Лично мне кажется, что большинство мужчин не очень-то склонны возиться с малышняй.

— Это вам только так кажется, — улыбнулся он открытой доброжелательной улыбкой.

— А вы женаты? — спросила Светлана.

— Нет пока, — смутился он.

— Почему? — спросила она самым что ни на есть простодушным тоном.

— Не встретил пока ещё свою судьбу, — признался он и внимательно посмотрел на девушку.

— Нравлюсь? — подмигнула она.

— Ой, извините, пожалуйста.

— Извиняю, — сказала она, — и оставляю вас.

— Вы уже уходите? — огорчился он вполне искренне.

— А вы остаётесь?

— Да, посижу ещё немного. Лучше здесь, чем на улице мёрзнуть.

— А хотите я подвезу вас? — спросила она неожиданно для себя.

— Хочу! — вскочил он со стула так стремительно, что стул не выдержал экспрессии и свалился. — Ой, простите, — смутился он. Поднял стул и поставил его на место.

— Молодые люди, кажется, собираются уходить? — спросил подошедший официант.

— Собираются, — ответила Светлана и полезла за деньгами.

— Нет, нет! — пылко возразил Эрнест. — Я заплачу сам, — и тут же испуганно покосился на неё: — Вы ведь не феминистка?

— Нет, — рассмеялась она.

— Слава тебе господи, а то ведь сейчас за проявление мужских качеств и по лицу недолго получить.

— Думаю, что не в России, — не смогла удержаться от улыбки Бакунина.

Когда они вышли из кофейни, Светлана сказала:

— Хочу сразу предостеречь вас от сверхожиданий.

— Каких ожиданий? — не понял он.

— У меня «девятка», — попыталась пояснить она.

— «Девятка»?

— Да, помните, когда-то ослепительная Ирина Аллегрова пела о том, что она отбила у соперницы хорошенького парня и хвалилась, что угнала его, как престижный тогда автомобиль «девятку».

— Да, вспомнил! — кивнул он. — Стихи Ларисы Рубальской.

— Точно! Ну так вот, теперь мою машину никак не назовёшь престижной.

— Не беда, — отмахнулся он, — главное, чтобы ездил.

Она уже хотела было похвастаться, что готова купить совсем скоро иномарку, но вовремя прикусила язык и проговорила сдержанно:

— Я тоже так думаю.

Она подвела своего нового знакомого к скромно стоящей на стоянке тёмно-зелёной «девятке» и скомандовала:

— Загружаемся!

— Слушаюсь, командир, — лихо щёлкнул он каблуками и сел на пассажирское сиденье.

— Куда ехать? — спросила она.

Он назвал адрес, и Светлана сообразила, что его местожительство находится ближе к дому подруги Елены, чем к её собственному. «Какие глупые мысли приходят в голову», — подумала Светлана и тронула автомобиль с места. Когда они, проехав три квартала, оказались возле станции метро, он тихонько тронул её за рукав.

— Что такое? — спросила девушка.

— Я могу выйти здесь.

— Разве мы уже приехали?

— Нет, просто мне кажется, что с моей стороны бессовестно вас утруждать за спасибо.

— Кто сказал, что за спасибо? — пошутила она, сохраняя на лице мрачное выражение.

— Ах да, простите, я, конечно, заплачу.

— Плату принимаю только натурой.

— Что? — вытянулось его лицо.

— Шутка, — рассмеялась она.

— А я уж подумал.

«Мог бы сказать, а я уж было обрадовался», — подумала она.

Как ни странно, настроение у Бакуниной испортилось после того, как в машине она хорошо рассмотрела своего спутника. Абсолютно неожиданно у врача-педиатра оказалась внешность модели или модного артиста. Его красота нервировала

её, но осознала она это не сразу. А когда осознала, то успокоила себя словами из басни — «виноград был зелен».

И впрямь, парень оказался не только красивым, но и молодым, как минимум лет на шесть моложе её. «Вот вляпалась, — промелькнула мысль у Светланы, — и зачем я только разрешила ему сесть за свой столик. Пусть бы себе ждал, когда появится свободный».

Эрнест не догадывался о раздумьях Светланы и не мог понять, почему она так помрачнела.

— Я что-то не так сказал? — спросил он.

— Нет, — ответила она, — сделал.

— Сделал? — изумился он. — Но ведь я абсолютно ничего не делал.

— Сел за мой столик.

— Ах это, — проговорил он ничего не понимающим тоном и, чтобы разрядить обстановку, попытался пошутить: — В следующий раз вы сядете за мой.

— Следующего раза не будет.

— Понимаю, — кивнул он, — я почему-то не понравился вам. — И ободрил то ли её, то ли самого себя: — Что ж бывает.

— Дурачок, — вздохнула она.

Он перехватил её взгляд в зеркале и, набравшись духа, спросил:

— Можно попросить у вас номер вашего телефона?

— Вы уверены, что хотите получить его?

— Уверен.

Она продиктовала ему номер, поклявшись себе при этом, что ждать его звонка ни за что не будет. Да и не верила она, что Эрнест ей позвонит.

Светлана остановила машину там, где он просил, и, высадив его, сразу же умчалась, ни разу не оглянувшись.

Эрнест посмотрел вслед умчавшейся в темноту «девятке» и проговорил вслух:

— Угонять меня девушка не собирается.

Светлана заинтриговала его, он умудрился не заметить того, что девушка старше его, да и не придавал он особой важности разнице в возрасте. То, что она простой парикмахер, его тоже не смущало. Он ещё не разобрался в том, какие именно чувства она в нём вызывает, но не сомневался, что хочет встретиться с ней снова. В эту ночь он спал плохо. Едва он закрывал глаза, как на его внутреннем экране всплывало лицо девушки, казавшееся неземным в плавучем разноцветном освещении кофейни.

«Она нравится мне», — решил он, засыпая перед самым рассветом.

Светлана же, в отличие от Эрнеста, спала крепко, может быть, потому, что перед сном она выпила стакан горячего молока с растворённой в нём ложкой мёда.

И ей всю ночь снились ромашковые поля и бродившие по ним пятнистые коричневые коровы.

Встав на следующее утро, она ни разу не вспомнила о своей вечерней встрече с Эрнестом и звон-

ка она от него не ждала. Придя в «Свет в окошке», сразу же с головой погрузилась в работу. И была весьма удивлена, когда в конце рабочего дня на её мобильнике высветился неизвестный ей номер.

— Алло, — проговорила она осторожно.

— Здравствуйте, Светлана.

— Кто это? — спросила она нетерпеливо.

— Эрнест. Неужели вы так быстро забыли обо мне.

— Эрнест, — повторила она и тут же воскликнула: — Нет, конечно, не забыла. Здравствуйте!

— Я хотел бы назначить вам свидание.

— Где?

— В том же месте и в тот же час, — пошутил он.

— Поняла. Вам снова захотелось кофе и пирожных?

— Угадали! Так я жду вас через час в кофейне?

— Через полтора часа, — уточнила она и отключила связь.

Глава 4

Когда Светлана проехала половину пути от места своей работы до кофейни, на её телефон поступил звонок. Звонил Эрнест.

— Я уже еду, — отозвалась она.

— Я знаю, — отозвался он несколько загадочно.

— Тогда чего звонишь, отвлекаешь меня от дороги.

— Извини. Просто хочу сказать, что занял столик. Мне выйти тебя встретить, или сама найдёшь меня в зале?

— Сама найду.

Он описал ей месторасположение столика и отключился.

— Какой скорый, — подметила девушка с невольной улыбкой.

Долго искать Эрнеста в зале Светлане не пришлось, так как он не удержался и не остался ждать её за столиком, а подошёл к входу.

Они одновременно улыбнулись друг другу. «Как я рад её видеть», — подумал Эрнест. А сердце Светланы ухнуло от одного взгляда на него, ей захотелось протянуть ему руку и идти за ним, не глядя на то, куда именно он её ведёт. Она подумала, что такого с ней ещё ни разу не случилось.

— Ты веришь в любовь с первого взгляда? — неожиданно для девушки спросил её Эрнест, заботливо пододвигая ей стул и помогая поудобнее расположиться на сиденье.

— Не знаю, — тихо обронила она. И, в свою очередь, тоже спросила: — А ты?

— Сегодня понял, что верю, — серьёзно ответил он.

— Сегодня? — делано рассмеялась она. — И с кем же ты сегодня встретился?

— С тобой.

— Но познакомились мы с тобой вчера, — напомнила девушка.

— Вчера, — согласился он. — Но вчера я был замёрзший и усталый как чёрт.

— А что, черти бывают усталыми? — улыбнулась она.

— Конечно! — сделал он страшные глаза.

— Отчего же они так устают?

— Посмотрел бы я на тебя, если бы тебе пришлось целыми днями варить и жарить грешников. Не каждый чёрт выдержит такой конвейер. К концу смены у них, наверное, язык на плече лежит.

Девушка прыснула со смеху и спросила:

— Они что же, по сменам работают?

— Надо думать, — серьёзно заявил Эрнест, — ведь у них безостановочный цикл. — У него чуть не сорвалось с языка слово «производства». Но он вовремя прикусил свой язык. — В общем, работа у них тяжёлая и неблагодарная, — заключил он со вздохом.

— Да, — пряча улыбку, согласилась Светлана, — им за вредность надо молоко давать.

— И я о том же! — обрадовался он её пониманию. — Но лучше вернёмся к любви.

— Вернёмся, — согласилась она.

— Я хотел только сказать... — почему-то растерялся Эрнест.

— Я поняла, что ты имел в виду, — поспешила ему на помощь Светлана. И решила, несмотря на то что говорить и слушать ей хотелось только слова любви, перевести разговор на другую тему. — Расскажи мне о своей работе, — попросила она.

— Тебе правда интересно? — В его глазах зажглись искорки воодушевления. И девушка поняла, что нажала на нужную точку.

— Конечно, интересно, — кивнула она.

— Давай тогда выпьем кофе, поедим пирожных, а уж потом ты предоставишь мне свои уши, — улыбнулся он.

— На временное пользование, — ответила она на его шутку своей.

Оба рассмеялись. Пик их веселья совпал с появлением возле их столика официанта.

— Кроме хи-хи и ха-ха будем чего-нибудь заказывать? — с деланой озабоченностью спросил он.

— Он ещё спрашивает! — воскликнула Светлана.

— И не говори! — поддержал её Эрнест.

Официант оказался парнем терпеливым и дождался завершения их смешков, получил заказ и отправился его выполнять.

— Товарищ оказался стойким, — сделала заключение на его счёт Светлана.

— Они, наверное, тут уже и не такого насмотрелись.

— Наверное, — легко согласилась Бакунина.

Ставя на столик поднос с их заказом, официант, напустив на лицо строгость, предупредил:

— В следующий раз, прежде чем подзывать меня, хорошенько посмейтесь. Вы, конечно, люди приятные. Но другие посетители могут моё долгое стояние возле вас неправильно понять.

Парень и девушка покатались со смеху.

— Опять смешинка в рот попала? — спросил официант и тут же испарился.

Бакунина и Тимьянов посмотрели на то место, где он только что стоял, и снова расхохотались.

— Нас обслуживал джинн! — подняв указательный палец кверху, важным тоном изрекла Светлана.

— Бери выше! — подхватил Эрнест. — Фея-мутант.

— Типун тебе на язык, — скорчила кислую рожицу девушка, — не люблю я всех этих... — Она сделала неопределённый жест рукой.

— И правильно делаешь.

— Эрнест Анатольевич, — напустила на себя профессорский вид Светлана Бакунина, — вы обещали мне рассказать о своей работе.

— С большим удовольствием, Светлана. — Он вскочил со своего места, учтиво раскланялся и опустил назад.

Светлана поставила локти на край стола, оперлась на ладони подбородком и приготовилась внимательно слушать.

Вскоре она убедилась, что её внимание достойно его рассказа. Эрнест настолько увлечённо и ярко рассказывал ей о буднях врача рядовой районной детской поликлиники, точно писал оду в честь всех достижений многовековой медицины всего человечества. А с каким сочувствием, восторгом и подчас умилением рассказывал он о своих малень-

ких пациентах, что Светлана буквально заслушалась, и сама, не сознавая того, полностью погрузилась в мир детского врача. Этот мир оказался настолько одухотворённым и благородным, что в него нельзя было не влюбиться.

Позже она снова повезла Эрнеста домой на своей машине, и вовсе не потому, что вновь стояли без тока трамваи и автобусы. А просто ей хотелось ещё побыть с ним. Впрочем, как и ему с ней. Перед тем как выйти из её машины, он сказал:

— Мне очень жаль, что вечер закончился так быстро.

— Мне тоже, — призналась она.

— Надеюсь, что, когда мы с вами встретимся в следующий раз, вы расскажете мне о своей работе.

— Что там рассказывать, — делано рассмеялась Светлана и изобразила пальцами ножницы, — стригу и брею.

— Только не говорите, что козлов и баранов, — подыграл он ей.

— Не буду.

— До завтра? — спросил он.

— Нет, завтра я не могу, — покачала она головой.

— А когда же? — спросил он, не скрывая огорчения.

— Созвонимся. — Она кивнула, и он увидел её кивок краем глаза в зеркале. Вздохнул и выбрался из машины.

«Девятка» выехала с его двора, а он стоял и думал, почему же она отказалась от завтрашнего свидания, то ли потому, что у неё есть неотложные дела, то ли он утомил её сегодня своими разговорами.

На самом деле Светлана решила взять паузу, чтобы разобраться в своих чувствах. Эрнест нравился ей, и очень сильно, она могла бы даже признаться в том, что она влюбилась в этого парня. Но её пугало то, что он был моложе её. Несмотря на то что сейчас никого не удивишь браком, в котором муж моложе жены на шесть, семь, десять, пятнадцать и даже двадцать лет. Она не была уверена в том, что она сама готова к такому браку. Эрнест не спрашивал, сколько ей лет. Но у него ведь есть глаза и он должен догадываться. Или нет? Ей часто говорили, что она выглядит моложе. Светлана считала, что говорившие ей об этом просто хотели сделать ей приятное или откровенно льстили. Тем не менее...

Поломав голову ещё некоторое время над этим вопросом, она решила, что скажет Эрнесту, сколько ей лет, и посмотрит на его реакцию.

Вторым препятствием, как ни странно, ей казалось её улучшавшееся материальное положение. Конечно, ей ещё десять лет выплачивать долг, но всё-таки она частный предприниматель. А Эрнест доктор. Но не Гиппократ, а педиатр.

При чём здесь Гиппократ, тут же укорила она себя, хотя отлично понимала, что под Гиппокра-

том подразумевала врача какой-нибудь частной престижной клиники. И как ей только не стыдно. Но стыдно не было. У неё проскользнула мысль о том, что у Эрнеста всё ещё впереди. Он может через несколько лет стать кем угодно. И, значит, у неё с ним тоже всё впереди.

И тут в её голову пришло, что если она озвучит свои мысли отцу, то он в лучшем случае выгонит её из дома и строго-настрого запретит переступать порог родительского дома, а в худшем просто проклянет.

Чтобы успокоиться, девушка заварила пакетик ромашки, положила в бокал мёда и легла спать. Уснуть она уснула, но наутро не помнила снов, которые ей снились, хотя помнила то, что они ей снились.

Она взяла с туалетного столика свой любимый гребень и стала медленно расчёсывать густые каштановые волосы, которые просачивались через зубья блестящим дождём. Потом она положила гребень и встретила в зазеркалье глазами со своим двойником. Вздохнула, отвела глаза. И спросила себя: «Не думала же ты, что с тобой познакомится владелец крупной фирмы и в одночасье предложит руку и сердце?» От этого предположения ей самой стало смешно, и она улыбнулась.

Светлана закусил губу, накрутила локонов на указательный палец, внимательно посмотрела на себя в зеркало и окончательно решила, что она достойна счастья любить и быть любимой.

Она дотянулась до мобильного, и сама позвонила Эрнесту. Он явно этого не ожидал и не сразу сообразил, что звонит именно она, включил связь и проговорил полусонным голосом:

— Алло.

— Доброе утро, соня! — весело пропела Светлана.

И тут раздался грохот. Связь оборвалась.

— Алло, алло, — закричала Светлана пикавшему короткими гудками мобильнику. И наконец, сообразив, что он отключился, проговорила вслух: — Что за чёрт? Может, он не один.

Но тут её мобильник зазвонил.

— Алло!

— Прости меня! Я уронил мобильник, и он отключился.

— А почему ты его уронил? — спросила она.

— От неожиданности! Я даже представить себе не мог, что ты мне сама позвонишь. И, признаться, я вчера полночи думал, как уговорить тебя снова встретиться со мной.

Она весело и от души рассмеялась.

— Ты чего смеёшься? — спросил он обиженно.

— Смеюсь, потому что ты смешной! И такой мишишный!

— Это хорошо или плохо? — недоверчиво спросил он.

— По мне, так просто замечательно, — заверила она, не переставая смеяться.

— Ты такая смешливая, — тихо выдохнул он.

— А это хорошо или плохо? — в свою очередь, спросила она.

— Наверное, хорошо, — не совсем уверенно прозвучал его ответ.

— Чтобы выяснить это, — проговорила она, став серьёзной, — нам придётся встретиться ещё раз.

— Только раз? — переспросил он испуганно.

— Там посмотрим. — Она с трудом сдержалась, чтобы опять не рассмеяться.

— На том же месте, в тот же час?

— Да.

Встретились они вечером в кофейне, но не задержались в ней. Во время медленного танца Светлана предложила отправиться в кино.

— В кино? — несколько удивлённо спросил он.

— А чему ты, собственно, удивляешься?

— Ничему. Просто как-то неожиданно.

— А ты привык смотреть фильмы по интернету?

— В общем, да. Хотя меня нельзя назвать фильмоманом.

— Чем же ты занимаешься после работы?

— Читаю художественную и специальную литературу.

— Готовишься стать трудоголиком?

— Нет, просто я очень люблю свою работу, — ответил Эрнест. В свои планы защитить диссертацию в будущем он пока посвящать Светлану не стал. Вместо этого, чтобы отвлечь её внимание, он проговорил с повышенным энтузиазмом: — Роди-